

ДЖЕРОЛАМО РОВЕТТА

КВИНТИНО И
МАРК

Джероламо Роветта
Квинтино и Марк

«Public Domain»

1898

Роветта Д.

Квинтино и Марк / Д. Роветта — «Public Domain», 1898

«Его прозвали Квинтино, потому что нужно было во чтобы то ни стало найти слово, которое одновременно напоминало бы бедному человеку его нищенское состояние, оскорбляло бы его и казалось смешным. И это слово было найдено...»

Джероламо Роветта

Квинтино и Марк

Его прозвали Квинтино, потому что нужно было во чтобы то ни стало найти слово, которое одновременно напоминало бы бедному человеку его нищенское состояние, оскорбляло бы его и казалось смешным. И это слово было найдено.

Если бы он был менее силен, то при встрече с ним люди угощали бы его пинками или насмехались бы, бросая ему в лицо пригоршни песку или комья грязи, если бы у него был свой дом, хозяйство, жена, то они вошли бы к нему, чтобы отравить его пищу, нарушить покой, соблазнить жену; но несчастный, несмотря на свое терпение и кротость, был силен... и одинок. Таким образом, у людей оставался только яд иронии, и полуголый нищий, не имевший никогда ни одного сольдо в кармане и носивший с собою в качестве багажа только сильный голод, был прозван Квинтино, потому что пост министра финансов занимал в то время Квинтино Селла. Это прозвище, данное ему одним откормленным насмешником, заставило забыть настоящее имя мученика неизвестного происхождения, служившего жертвою веселого настроения других людей, имя, которое его мать, бедная набожная женщина, выбрала может быть в молитвеннике специально для него. Но Квинтино был добр, терпелив и покорен судьбе и не только переносил все и даже самые жестокие оскорбления с такою грустною улыбкою, которая должна была вызвать хоть некоторое сострадание, но, желая еще более потешить людей, дал имя другого министра финансов – Марка Мингетти – своему верному и единственному в мире другу – собаке. Марк был действительно достоин Квинтино; это было некрасивое, худое и грязное животное, но умное, осторожное и рассудительное... оно либо спало, либо думало. Эта собака никогда не лаяла, не ворчала сердито, не делала ни одного лишнего прыжка сверх положенного и не бегала, куда не следовало. Вся ее обязанность состояла в том, чтобы стоять на часах в бумажном кепи с палкою вместо ружья. При виде этого оригинального часового, более покорного, чем страшного, солдаты указывали на него друг другу, хохотали чуть не до упаду, окружали его толпою, и в результате животное приносило больше дохода, чем человек.

Квинтино понимал это, и, когда он глядел на Марка, лаская его длинными, костлявыми руками, то его глаза выражали бесконечную нежность.

Животное было так же печально и задумчиво, как человек. Меланхоличное настроение Квинтино распространялось и на Марка, и, слившись в общей печали, оба производили впечатление проклятых одною и тою же судьбою.

Понятно, что эти два голодных существа, появлявшиеся вдали на беловатом фоне дороги, что этот худой и гибкий человек в красном трико и черная собака, обнюхивавшая землю разгоряченную пыльною мордою и суетливо бегавшая зигзагами, представляли грустное и жалкое зрелище, которому никакие лучи света и майские краски не могли придать веселого оттенка.

Существование Квинтино напоминало жизнь изгнанника, затерявшегося в лесной чаще, и блуждающего безо всяких мыслей о жизни, безо всякого желания и надежды. Иногда он тщетно искал каплю воды, сгорая от лихорадки, или связку соломы, падая в полном изнеможении.

Тем не менее он никогда не жаловался; он был всегда нем, как Марк, и оба забавляли фокусами всех, кто дарил им кусок хлеба, даже, если это делалось не из сострадания, а только с целью поддержать жизнь в этих двух странных созданиях, которые тешили публику своими представлениями и смешным и жалким видом.

Так как им никогда не удавалось поесть до сыта, то у них никогда не бывало и дня отдыха. Они постоянно бродили по городам, селам и деревням и вечно находились на празднествах

среди шума и веселья – Квинтино с похоронным выражением лица, Марк Мингетти с поджатым хвостом.

Но, когда глазам человека открывалась вдали в конце длинной, сухой и пыльной или болотистой дороги деревня, в которой должна была состояться ярмарка или торг, он ускорял шаги, точно бедный осел, у которого проходит от угощения палкою усталость и боль в боках, и глубокие и тяжелые вздохи подступали к его горлу, точно за этими развевающимися флагами и зелеными гирляндами среди людского шума его ожидал позорный столб или виселица. Но голод заставлял его торопиться; он ускорял шаги и ободрял свистом своего товарища по скитаньям и славе, бежавшего по его пятам с опущенною мордою и свисшим из пасти языком.

Оба направлялись прямо на середину самой людной площади; Квинтино разбивал там свою палатку и расстилал на земле кусок грязного холста, а Марк внимательно глядел на него, сидя на задних лапах и наклонив вниз голову из-за давившей ему шею веревочки, придерживавшей бумажное кепи на голове. Когда все было готово, собака вставала на задние лапы, а клоун бросал в воздух в виде приветствия толпе свою треугольную шляпу, и представление начиналось.

Зрелище производило тяжелое впечатление. Казалось, что красное потертое трико, полинявшее от солнца и дождя, покрывало скелет. Когда акробат прыгал и вертелся, выпрямлялся и изгибался, кости его чуть не скрипели. Бедный Квинтино был весьма грустный паяц!

Он ходил всегда одетый в рваное трико, не защищавшее его ни от холода, ни от жары, в коротких зеленых шароварах, расшитых почерневшими блестками, в старых стоптанных башмаках и треугольной шляпе. Квинтино уже много лет не вылезал из этого жалкого шутовского наряда, точно он стал его собственною плотью, точно так же как Марк жил всегда в длинной грязной шерсти. Лицо Квинтино было еще смешнее морды Марка; его черные, как смоль, волосы, жесткие и прямые, напоминали пучок перьев или дикую траву, срезанную ударом косы. Лицо его было полно всевозможных морщин, глаза – безжизненны, подбородок покрыт рыжим пушком; а для того, чтобы к людской иронии, присоединилась ирония природы, у него, который ел так мало, блистали между крупными губами длинные и белые зубы, способные разжевать целые горы хлеба.

Его представления были многочисленны и разнообразны. Он начинал всегда с *черепашьей шутки*, которая состояла в том, что он закидывал ноги за голову, обвивал их вокруг шеи и, опершись кистями рук на холст, раскачивался на вытянутых руках, производивших впечатление железных. Затем следовал *китайский прыжок*, затем *прогулка вдвоем* или *комическая прогулка*; это представление Квинтино, заставлявшее публику хохотать до упаду, состояло в том, что он разгуливал с видом франта, одев шляпу набекрень, оглядываясь по сторонам, покручивая усы, делая вид, что курит и держа во рту вместо окурка деревянную палочку, а Марк в это время с опущенною головою и надвинутым на глаза кепи быстро проходил между его ногами, не пропуская ни одного его шага и не давая ему никогда запнуться, с точностью достойною настоящего математика. Представление заканчивалось всегда чудесным *Ниагарским прыжком*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.